

УДК 82-311.1

М. Ю. Егоров

<https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

**Структура «Отца» в романе
А. Терца (А. Д. Синявского) «Спокойной ночи»**

Для цитирования: Егоров М. Ю. Структура «Отца» в романе А. Терца (А. Д. Синявского) «Спокойной ночи» // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 4 (6). С. 75-83. DOI 10.20323/2658-7866-2020-4-6-75-83

В статье продемонстрировано, как структурирована глава «Отец» романа А. Терца (А. Д. Синявского) «Спокойной ночи», показано, каким выстраивается образ отца главного героя. Сюжетные линии сына и отца в главе построены так, что опираются на типологически схожие элементы, во многом определяющие поведение, характеры персонажей. В судьбе обоих важную роль играют велосипед и ружье; они одновременно приобретает новых знакомых-детей; на их судьбы повлияли книги; оба склонны к изобретательству; революционно настроены, подвергаются аресту. Отец словно бы помогает сыну проникнуть в тайны литературного мастерства. Глава «Отец» представлена так, чтобы отражать суждения о литературном творчестве, которые возникли у Синявского благодаря разговору с отцом. Автор отказывается от линейного, последовательного повествования (например, в пределах нескольких строчек могут столкнуться события, приходящееся на несколько десятилетий). Важную роль в повествовании играет концепт тайны. При этом в главе важна такая тайна, которая будет разоблачаться самими же её носителями. Перволичное повествование в «Спокойной ночи» позволяет контролировать как информированность рассказчика об отце, так и степень осведомленности читателя. Избегая линейного, последовательного, «рационального» повествования, А. Д. Синявский постулирует несостоятельность такого рассказывания о человеческой судьбе, при котором она мыслится как органически цельная.

Ключевые слова: А. Терц, А. Д. Синявский, «Спокойной ночи», русское зарубежье, третья волна эмиграции.

М. Yu. Egorov

**The structure of “Father” in the novel “Good Night”
by A. Terts (A. D. Sinyavsky)**

The article demonstrates how the chapter of the “Father” of the novel by A. Terts (A. D. Sinyavsky) “Good Night” is structured, shows how the image of the protagonist's father is built. The storylines of the son and father in the chapter are made in such a way that they rely on typologically similar elements, which largely determine the behavior,

---

© Егоров М. Ю., 2020

characters. In the fate of both, a bicycle and a gun play an important role; at the same time, they acquire new acquaintances of children; their fates were influenced by books; both are prone to invention; revolutionary, arrested. The father seems to help his son to penetrate the secrets of literary skill. The chapter "Father" is presented in such a way as to reflect judgments about literary work that Sinyavsky had a conversation with his father. The author refuses a linear, consistent narrative (for example, within several lines, events that fall on several decades may collide). The concept of mystery plays an important role in the narrative. At the same time, such a secret is important in the chapter, which will be exposed by its carriers. The original narrative in "Good Night" allows you to control both the narrator's awareness of the father and the degree of awareness of the reader. Avoiding a linear, consistent, "rational" narrative, A. D. Sinyavsky postulates the failure of such a story about human fate, where it is thought of as organically whole.

Key words: A. Terts, A. D. Sinyavsky, "Good night", Russian abroad, the third wave of emigration.

Роман «Спокойной ночи» был опубликован в Париже в 1984 году. Автором романа является писатель-эмигрант А. Д. Синявский, избравший себе псевдоним Абрам Терц (о смысле выбора псевдонима см. например [Бочаров, 2011; Генис, 1999; Померанц, 1990]). Под этим псевдонимом будучи еще советским гражданином А. Д. Синявский печатал свои прозаические тексты за границей. Публикация произведений на западе стала поводом для судебного разбирательства в СССР в 1965–1966 годах, положившего начало диссидентского движения (см. [Цена метафоры ... , 1989]). За «антисоветскую агитацию и пропаганду» писатель был приговорен к 7 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Как справедливо подметили П. Вайль и А. Генис: «Андрей Синявский – враг идеологии. Советская власть, не разобравшись,

решила, что он враг именно ее идеологии. Но он – против любой канонизированной системы мысли как таковой» [Вайль, 1982, с. 57].

Роман «Спокойной ночи», без сомнения, носит автобиографические черты. Обстоятельства, связанные с арестом, судом, легли в основу сюжета. Произведение состоит из пяти глав, которые являются относительно автономными. Объединяющим началом является рассказчик, который одновременно выступает главным действующим лицом.

Продемонстрируем, как структурирована глава «Отец», попутно показав, каким выстраивается образ отца главного героя.

Глава «Отец» начинается с признания героя (Андрея Донатовича Синявского) о схожести с отцом (Донатом Евгеньевичем). «Подымаясь по лестнице, я повторяюсь. Все уже было – и отдышка, и изжога. Не

со мною – с отцом» [Терц, 2015, с. 182]. Слово «повторяюсь» сначала понимается неверно, а потом проясняет свое значение – совпадаю, копирую. «Иногда – пугаюсь: настолько меня нет. Он [отец] меня вытесняет, замещает – поворотом спины, шеи, хождением по лестницам» [Терц, 2015, с. 183].

Сюжетные линии сына и отца в главе построены так, что опираются на типологически схожие элементы, во многом определяющие поведение, характеры персонажей. В жизни обоих особую роль сыграли велосипед и ружье. Когда маленького героя кормят кашей, убеждая его кушать то за маму, то за папу, он не может дождаться, что наконец скажут: «За велосипед! И за ружье!» [Терц, 2015, с. 185]. Синявский называет эти два предмета своими кумирами, иконами [Терц, 2015, с. 185]. «В раннем детстве отцом я наслаждался больше всего в Рамене, в его летний отпуск, едва он покажется у нас, на проселочной дороге, потный, запыленный, верхом на велосипеде, с ружьем через седло» [Терц, 2015, с. 186]. Неоднократно велосипед играл роковую роль в судьбе отца: в прошлом он «несколько раз уходил от петли, от пули. То наступление чехов и он в кольце: спасал велосипед» [Терц, 2015, с. 190].

Отец был когда-то заядлым охотником, как подчеркивает рассказчик, вспоминая свои детские годы. Сам рассказчик в детстве тоже «охотился», когда был на отдыхе

с матерью в Новом Афоне: «Мы с мамой тогда увлекались Кавказом, я с луком и стрелами охотился на кабанов, пренебрегая островами бритоголового завхоза, что на кабанов следует охотиться с хреном и солью» [Терц, 2015, с. 191].

На кавказском отдыхе мальчик знакомится с девочкой Мэджи, которой будет посвящен отдельный эпизод. Мэджи происходила из грузинской аристократической семьи, герой же рассказывает ей об ужасных жилищных условиях своей семьи: «А мы в Москве живем в одной маленькой комнатке – в подвале. Там нет ни уборной, ни умывальника. Ничего нет. Там стоит посередине одна большая железная кровать...» [Терц, 2015, с. 192]. Синявский подчеркивает: «Я не врал. Я просто немного идеализировал действительность» [Терц, 2015, с. 192]. Отец в это же время познакомился с беспризорником Ефимом Бобко, приютил его, пока не нашел подходящий детский дом. Ефим становится сводным братом героя, навещает его каждые выходные.

Сближает отца и сына склонность к изобретательству. В отце «билась жилка неудавшегося изобретателя» [Терц, 2015, с. 187]. Рассказчик же, утверждает, «что тоже не отставал от века и старался изобрести что-нибудь полезное» [Терц, 2015, с. 188]. Например, газ, который создает вокруг самолета-бомбардировщика точную копию облака [Терц, 2015, с. 188].

В романе подчеркивается, что отец был настоящим революционером, одним из тех, кто делал революцию в России, хотя и не вступал в большевистскую партию, а являлся левым эсером. Романтический, идеалистический характер отца подчеркивает следующий факт. Если бы не «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, может быть, он революционером и не стал бы: «Как правильно отца эта книга завела в революционеры» [Терц, 2015, с. 202].

Схожий по силе эффект на героя оказала история со «Всадником без головы» Майн Рида. На подаренные тетей Наташей деньги маленький Синявский приобретает эту книгу. Неуступчивый принципиальный отец, считавший подобного рода «чтиво» пустым и вредным («вранье, галиматья, ерунда, чушь собачья, где нет ни слова правды, а главное, за всей этой выдумкой, за дурацкими приключениями, не содержится никакой идеи»), возмущен покупкой [Терц, 2015, с. 221]. Герой расстается со «Всадником без головы», заслуживая одобрение рационального отца. При этом герой признается, что эта история помогла ему стать писателем: «Все время мерещится, что самое главное, самое прекрасное в жизни я упустил, проворонил где-то еще в детстве, и непрочитанный «Всадник без головы» скачет впереди, без меня. Возможно, поэтому в конце концов – с недочетами – я и стал писателем...» [Терц, 2015, с. 223].

Итак, герой расстается с книгой, и сразу же за этим следует история-дубль из жизни отца о том, как он сам говорит, что «и не с такими предрассудками приходилось расставаться» [Терц, 2015, с. 223]. Из-за «дурацкого, дворянского воспитания» отец путает цвета: «вместо того, чтобы обучать его простым и ясным понятиям: «желтый», «зеленый», «синий» и т. д., всякие гувернантки, тетушки, бабушки забивали ему башку изысканными пустяками, вроде «цвет-электрик», «канареечный» (вместо – желтый), «бирюзовый», «бежевый» и другой ерундой» [Терц, 2015, с. 224].

В 1951 году отца арестуют, сына арестуют через 14 лет. В рассматриваемой главе романа «Спокойной ночи» описывается два обыска, вызванные арестом Синявского-старшего, сначала в его комнате, потом в подвале, где жил сын.

«Отец был резок, недоступен, справедлив, великодушен и смел» [Терц, 2015, с. 206]. Ему удалось отстоять собственную невиновность по основному обвинению в шпионаже, но все равно был осужден по статье за антисоветскую агитацию. Отца отпустили из тюрьмы, он был сослан на поселение в Рамено.

Центральное событие главы «Отец» – встреча сына и отца во время ссылки в Рамено. Они, как бывало прежде в детстве, отправляются на прогулку в лес. Донат Евгеньевич отмалчивается, дожидаясь выхода на «глухое, но до-

вольно голое место, хорошо обозримое во все концы: незаметно никому не подкрасться» [Терц, 2015, с. 228]. Синявский выслушивает признание вернувшегося из тюрьмы отца: в лефортовском застенке в ходе экспериментов, проводимых учеными, отцу в мозг внедрено специальное устройство, позволяющее следить за ним на расстоянии, контролировать мысли, записывать чужие разговоры. До этого отец показан как бесстрашный человек: «Он даже смерти не боялся. Еще в нежном возрасте знал, как перебарывать страх» [Терц, 2015, с. 226]. Сейчас же отец впервые боится, потому что сын может сказать что-то лишнее и будет отправлен в тюрьму: «Так что пока ничего лишнего мне не говори. Слышишь? ничего лишнего! Я не должен знать. Не должен! Тебе ясно?» [Терц, 2015, с. 238, 239]. С одной стороны, все это кажется галлюцинациями сломленного человека, с другой, вполне объяснимой технической наукой вещью. Синявский, как сам поясняет, допускает оба варианта [Терц, 2015, с. 239].

Что же будет выступать парным к этому эпизоду? В финале главы герой осознает, что испытываемое сейчас в таком состоянии отцом переживает и он сам во время создания литературного произведения: «И я понял и перенес на себя и рожущую его отдаленность от всего света, и строгую сосредоточенность на мыслях и картинах,

доступных ему одному» [Терц, 2015, с. 240]. Разумеется, взгляды на искусство, литературу у героев разные [Holmgren, 1991, с. 972]. Как демонстрирует эпизод со «Всадником без головы», отец атеист, прагматик, предпочитает «полезное» искусство, в отличие от «мистически» настроенного сына. Однако в анализируемой сцене отец словно бы помогает сыну проникнуть в тайны литературного мастерства.

Первое, о чем говорит Синявский, метафорически описывая творческий процесс: «Посмотрите, убедитесь: это и есть *действительность*, которую вы игнорируете, презрительно называя «фантастикой», – вот она! И не надо фантазировать – достаточно видеть, и совершенно не важно, как это называть. Можно назвать деревом, а можно – человеком. Чем угодно!» [Терц, 2015, с. 241]. В этом можно усмотреть призыв прибегнуть к остранению, при котором вещь будет представлена в непривычном и от этого более осязаемом виде.

Следующее требование писателю – при написании текста отдаваться на волю чувств, а не идти от разумного начала: «...когда пишешь, нельзя думать. Нужно выключить себя. Когда пишешь – теряешься, плутаешь, но главное – забываешь себя и живешь, ни о чем не думая» [Терц, 2015, с. 241].

Третье, чему должен следовать писатель, связанное с первыми двумя, – таинственность: «Поэтому

самое важное, чтобы в книге, которую пишешь, была таинственность. Для автора, для тебя» [Терц, 2015, с. 242]. Такое повествование невозможно свести к рационально выстроенной истории.

Глава «Отец» представлена так, чтобы отражать суждения о литературном творчестве, которые возникли у Синявского благодаря разговору с отцом.

Наиболее показательным моментом реализации остранения является фантазмагорическая сцена психологической обработки Доната Евгеньевича в тюремной камере, занимающая две страницы. Например: «Пугают... В лучах, по двум диагоналям, крест-накрест, – летают белые голуби. Голуби в камере? Белые?!. Галлюцинация, всего-навсего галлюцинация... Не хватало! Усилием воли – вспомнил: стереоскоп, кино...» [Терц, 2015, с. 237]. Несобственно-прямая речь персонажа соединяется с описаниями, происходящего в камере. Чтобы объяснить появление голубей в камере, надо оттолкнуться от финала цитаты: это всего-навсего стереоскопическая проекция.

Автор отказывается от линейного, последовательного повествования. «Время здесь движется не вперед, не назад, а снуёт челноком туда-сюда» [Гофман, 2011, с. 57]. В пределах нескольких строчек могут столкнуться события, приходящиеся на несколько десятилетий: «Наверное, за идеи надо расплачиваться, и, когда в 51-м отца арестовали, соседи сплет-

ничали, что мы с ним по ночам рыли подкоп под Норвежское посольство – из нашего подвала на Хлебном, через улицу Воровского. ...А меня арестовали только через четырнадцать лет. Отца уже не было в живых. Но тот подземный ход за спиной остался. ...Отец вообще хотел сделать из меня человека. Себя же держал неизменно в революционерах, но в партию не вступал, и, может быть, это его спасло. Революцию он встретил в левых эсерах, и с тех пор это висело за ним как судебное обвинение...» [Терц, 2015, с. 189]. Арест отца в 1951 году, соединяется с арестом сына в 1965, далее следует экскурс в революцию 1917.

Во второй половине главы, когда состоялась встреча Синявского с сосланным отцом, повествование строится очень эффектно. Фрагменты прогулки по лесу, пейзажные зарисовки, относящиеся к условно настоящему времени рассказа, чередуются с экскурсами в прошлое героев. Особенно важно финальное описание леса, представленного чем-то мистическим: «Подымался ветер, и страшно было смотреть на эти клокочущие деревья. Духи работали, и я не мог от них оторваться, тоже поднятый на воздух чувством какого-то, скажем так, пиетического ужаса. Будто бы, глядя, я терял себя в этом сонме бормочущей о чем-то и приплясывающей листвы. Возможно, это было от ветра, но волосы от ужаса вставали дыбом у меня на голове. И тот ужас, как это бывает в сильные минуты, боролся и граничил с восторгом по

поводу того, что я вижу и испытываю» [Терц, 2015, с. 240]. И далее: «Отец стоял рядом и тоже смотрел молча, как замороженный, на этот, как зверь, крутившийся на одном месте, пойманный и локализованный смерч» [Терц, 2015, с. 240]. Образ кружения сопоставим с нарушением линейности, о которой было сказано выше, хорошо описывает структура и главы, и романа в целом (см. также [Matich, 1989, с. 53-54]).

Таинственность очень важна для главы. Концепт тайны играет важную роль в повествовании. «Жуткая таинственность жизни меня притягивала», – признается рассказчик [Терц, 2015, с. 201]. При этом в главе важна такая тайна, которая будет разоблачаться самими же её носителями.

Беспризорник Ефим Бобко, которого приютил Донат Евгеньевич, почти всю жизнь скрывал, что он сын репрессированных-раскулаченных, чудом избежавший наказания. Только полученное старшим Синявским письмо от Ефима раскрыло тайну: «В письме Ефим просил прощения за то, что обманывал отца всю жизнь, начиная с вечера, когда тот вытащил его пацаном из-под сапожного ящика» [Терц, 2015, с. 198].

Отец выдаст тайну сыну о вживленном в мозг аппарате: «По догадкам отца, в Лефортово тогда занимались опытами в области мозга, с помощью аппаратуры, вывезенной из трофейной Германии, которые в полной мере не успел осуществить Гитлер» [Терц, 2015, с. 233]. Экспериментаторов привлек отец и пото-

му, что он был человеком, не желающим ничего утаивать [Терц, 2015, с. 233]. К этой финальной основной тайне в главе рассказчик подводит читателей постепенно. По повествованию рассыпаны указатели, которые после прочтения главы, кажутся намекающими на именно такой поворот в сюжете. Например, близко к началу главы мы узнаем, что отец «прочитав несколько книг по современной энергетике, ...выработал для себя диаграмму, где ничего не пропадает, но входит в мировое пространство облаком натренированной воли» [Терц, 2015, с. 187]. Кроме этого, он работал, как сказано, «по изучению народных гипотез»: «Больше всего тогда изобретали перпетуум-мобиле, и, представьте, случалось, академики ахали и растерянно разводили руками: батенька! знали априори, что такого не бывает, но доказать не хватало догадливости – настолько по чертежам, на бумаге, все получалось аккуратно» [Терц, 2015, с. 187]. Или такие замечания: «Страна разрывалась в его сознании, не поспевая за идеалами» [Терц, 2015, с. 201]; «Отцу хотелось, чтобы мы жили, как он говорил, «высшим смыслом»... Он думал, «высшее», «дух» после смерти не исчезают, но входят в волевое облако, в пространственный разум истории...» [Терц, 2015, с. 207].

Рассказчик сохранит не раскрытыми две тайны. Он так и не расскажет отцу, что на самом деле не выбрасывал на помойку книгу

Майн Рида «Всадник без головы» (любопытно, что книге адресован эпитет «таинственная»: «[Книгу] приятно потрепанную, в желтенькой обложке, таинственную, как девушка, в которую вы влюбились, еще ничего о ней не зная» [Терц, 2015, с. 220]). Также отец не узнает, что же настолько важно хотел сказать ему сын при встрече в Рамене: ««Папка, я должен сказать тебе по секрету одну серьезную вещь. Перед поездкой к тебе, за неделю...» Давно я не видел отца в такой ярости. Он даже прикрикнул на меня, чтобы я немедленно смолк...» [Терц, 2015, с. 219].

С семиотической точки зрения тайна представляет собой владение таким означаемым, которое будет активно скрываться от участников коммуникации. При этом оказывается значимым отрыв означаемого от означаемых, призванных такую тайну сокрыть. Степень приближения интерпретатора к «правдивой» связке означающего и означаемого может участником коммуникации контролироваться. Это схоже с декларируемым в главе подходом к читателю: «Общение? С кем? С человеком? с читателями? Не верю. На любом слове поймают и докажут, что все не так. Я их знаю!

Единственное прибежище – текст» [Терц, 2015, с. 239]. Автор регулирует дистанцию по отношению к содержанию текста, подпуская читателя на необходимое ему расстояние. Действительно, читателю трудно решить «правдиво» ли признание отца о внедренном в его голову механизме. Похожую позицию по отношению к рассказу отца занимает в тексте Синявский-младший, находящийся в ситуации доверия-недоверия. В этом смысле его фигурой автор внутри главы иллюстрирует положение читателя по отношению к читаемому тексту.

К. Непомнящи считает, что «проблема, решаемая в главе, названной «Отец», – проблема перенесения живой памяти в текст» [Непомнящи, 2003, с. 272]. Перволичное повествование в «Спокойной ночи» позволяет контролировать как информированность рассказчика об отце, так и степень осведомленности читателя. Избегая линейного, последовательного, «рационального» повествования, А. Д. Синявский постулирует несостоятельность такого рассказывания о человеческой судьбе, при котором она мыслится как органически цельная.

Библиографический список

1. Бочаров С. Борьба Синявского как эстетический акт // Прогулки с Андреем Синявским. Москва : ООО «Центр книги Рудомино», 2011. С. 11-18.
2. Вайль П. Современная русская проза / П. Вайль, А. Генис. Анн-Арбор : Эрмитаж, 1982. 189 с.

3. Генис А. Правда дурака. Андрей Синявский // Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. Москва : НЛЮ, 1999. С. 32-38.
4. Гофман Е. Бред и чудо. К вопросу о поэтике метаморфоз в творчестве и мировоззрении Андрея Синявского // Андрей Синявский – Абрам Терц: облик, образ, маска. Москва : ООО «Центр книги Рудомино», 2011. С. 56-65.
5. Непомнящи К. Т. Абрам Терц и поэтика преступления. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. 358 с.
6. Померанц Г. Диаспора и Абрашка Терц // Искусство кино. 1990. №2. С. 20-26.
7. Терц А. (Синявский А. Д.) Спокойной ночи. Москва : АСТ, 2015. 413 с.
8. Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. Москва : Книга, 1989. 527 с.
9. Holmgren B. The Transfiguring of Context in the Work of Abram Terts // Slavic Review. 1991. Vol. 50, № 4. P. 965-977.
10. Matich O. Andrej Sinjavskij's Rebirth as Abram Terc // The Slavic and East European Journal. 1989. Vol. 33, № 1. P. 50-63.

Reference list

1. Bocharov S. Bor'ba Sinjavskogo kak jesteticheskij akt = Sinyavsky's struggle as an aesthetic act // Progulki s Andreem Sinjavskim. Moskva : ООО «Centr knigi Rudomino», 2011. S. 11-18.
2. Vajl' P. Sovremennaja russkaja proza = Contemporary Russian prose / P. Vajl', A. Genis. Ann-Arbor : Jermitez, 1982. 189 s.
3. Genis A. Pravda duraka. Andrej Sinjavskij = True fool. Andrej Sinyavsky // Genis A. Ivan Petrovich umer. Stat'i i rassledovanija. Moskva : NLO, 1999. S. 32-38.
4. Gofman E. Bred i chudo. K voprosu o pojetike metamorfoz v tvorcestve i mirovozzrenii Andreja Sinjavskogo = Delirium and miracle. On the question of the poetics of metamorphosis in the work and worldview of Andrei Sinyavsky // Andrej Sinjavskij – Abram Terc: oblik, obraz, maska. Moskva : ООО «Centr knigi Rudomino», 2011. S. 56-65.
5. Nepomnjashhi K. T. Abram Terc i pojetika prestuplenija = Abram Tertz and poetics of crime Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2003. 358 s.
6. Pomeranc G. Diaspora i Abrashka Terc = Diaspora and Abrashka Terts // Iskusstvo kino. 1990. №2. S. 20-26.
7. Terc A. (Sinjavskij A. D.) Spokojnoj nochi = Good night. Moskva : AST, 2015. 413 s.
8. Cena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Sinjavskogo i Danijelja = Price of metaphor, or Crime and punishment of Sinyavsky and Daniel. Moskva : Kniga, 1989. 527 s.
9. Holmgren B. The Transfiguring of Context in the Work of Abram Terts // Slavic Review. 1991. Vol. 50, № 4. P. 965-977.
10. Matich O. Andrej Sinjavskij's Rebirth as Abram Terc // The Slavic and East European Journal. 1989. Vol. 33. № 1. P. 50-63.